

А. Н. ЧИСТОЗВОНОВ

О СТАДИАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ БУРЖУАЗНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ XVI—XVIII ВЕКОВ В ЕВРОПЕ *

1

История буржуазных революций в марксистско-ленинской и буржуазной историографии изучается с диаметрально противоположных позиций. Чем больше буржуазия теряла присущую ей ранее революционность и переходила в стан реакции, тем сильнее изменялось отношение империалистической буржуазии и ее трубадуров от историографии не только к современным им революционным движениям, но и к буржуазным революциям прошлых времен.

Эта тенденция «развенчивания» буржуазией своего революционного прошлого неоднократно разоблачалась историками-марксистами, в частности и авторами одного из новейших марксистских трудов по истории революций, вышедшего в 1969 г. в ГДР¹. Характеризуя указанную тенденцию, А. Собуль подчеркивает, что, искусственно принижая значение и роль Великой французской буржуазной революции XVIII в. (равно как и других ранних буржуазных революций), отрицая ее экономическое, социальное и национальное содержание, изображая «мифическими» ее крупнейшие свершения и завоевания, приверженцы этого направления стремятся «свести к нулю полувековую революционную историографию от Жана Жореса до Жоржа Лефебра»². В предвоенные и послевоенные годы «развенчивание» ранних буржуазных революций стало особенно модным. Этим занимались Г. Дэвис, Г. Кларк, П. Хейл, Х. Ренниер, А. Коббен, Ж. Годешо, Р. Палмер, Я. Смит и др.³ Стремление принизить историческую роль и отрицать социально-экономическое содержание Английской буржуазной революции XVII в. достаточно определенно было выражено в докладах С. Скалвайта («Франция и конституционный конфликт в Англии в XVII в.») и Н. Стеенсгорда («Характерные черты экономического и политического кризиса в XVII в.») на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве⁴. О той

* В основу статьи положен доклад «Классовая борьба в период позднего средневековья в Европе (XVI—XVIII вв.)», прочитанный на Международном симпозиуме, состоявшемся в Праге 7—8 декабря 1971 г.

¹ «Studien über die Revolution», Berlin, 1969.

² «Studien...», S. 77—78.

³ См. G. D a v i s. The Early Stuarts 1603—1660. Oxford, 1937; G. C l a r k. The Later Stuarts 1660—1714. Oxford, 1934; P. G e y l. The Revolt of the Netherlands. London, 1932; ег о же. Eenheid en tweehed in de Nederlanden. Lochem, 1946; G. R e n i e r. The Dutch Nation. London, 1944; A. C o b b a n. The Myth of the French Revolution. London, 1955; ег о же. The Social Interpretation of the French Revolution. Cambridge, 1964; J. G o d e c h o t. Les Révolutions 1770—1799. Paris, 1963; R. P a l m e r. The Age of the Democratic Revolution. Princeton, 1959; J. S m i t. Fruin en de partijen tijdens de Republiek. Utrecht — Nijmegen, 1959.

⁴ См. А. Н. Чистозвонov. Проблемы генезиса капитализма (По материалам V Международного конгресса экономической истории и XIII Международного конгресса исторических наук). — «Новая и новейшая история», 1971, № 4, стр. 50—51.

же тенденции применительно к истории Гражданской войны в США пишет Г. Аптекер, подчеркивая, что преобладающая часть новейшей американской историографии вопроса пропитана более или менее ярко выраженными симпатиями к южанам-конфедератам и расистскими пред-рассудками в отношении негритянского населения США ⁵.

Марксистско-ленинская историческая наука продолжает на базе принципов исторического материализма углубленное исследование истории буржуазных революций, присущих им общих закономерностей и национально-государственных особенностей, рассматривая революции как необходимый объективный путь к переходу от феодализма к капитализму.

Этим проблемам посвящена обширная литература, которая тем не менее не исчерпала еще возможности дальнейших конкретных исследований и оставляет место для их марксистско-ленинского теоретического обобщения. Львиная доля всех исследований содержит анализ и синтез истории революций в национально-страноведческом разрезе. В гораздо меньшем числе работ освещается проблема буржуазных революций в сравнительно-историческом аспекте. И еще меньше таких трудов, в которых они рассматриваются в качестве органической составной части глобального, комплексного процесса зарождения, революционного утверждения и развития капитализма как формации, системы, когда закономерности таких революций выступают в диалектическом единстве и взаимодействии системы и ее составных частей, общего и особенного, международного и национального, в их движении и развитии, смене форм, фаз и стадий.

В этой связи следует остановиться на упоминавшейся выше работе «Исследования проблемы революций», вышедшей в ГДР.

Это один из новейших, широких по замыслу и исполнению коллективных обобщающих марксистских трудов, подводящий в известной мере итоги исследованиям по истории революций разных типов. Поэтому представляется обоснованным хотя бы выборочно затронуть те из дебатированных в нем вопросов, которые связаны с поставленной в настоящей статье проблемой. Для большинства очерков характерен не анализ, а простое сопоставление разрозненных революций, происходивших в разных исторических условиях тех или иных стран и континентов, при различных, главным образом в смысле накопления количественных изменений, степенях зрелости капитализма в данных странах. Так, В. С. Алексеев-Попов, сравнивая опыт Французской революции конца XVIII в. и русской революции 1905—1907 гг. и отмечая в общих словах различие исторических условий в этих странах, не ставит, однако, вопроса в широком плане о качественно особых закономерностях буржуазных революций империалистической стадии капитализма ⁶. М. Коссок, сопоставляя революции 1808—1814, 1820—1823 гг. в Испании и 1820 г. в Португалии с латиноамериканскими национально-освободительными революциями первой трети XIX в. и выделяя их в особый «иберийский» цикл, основное внимание уделит выяснению прямого на них влияния Французской революции конца XVIII в. как внешнего фактора ⁷. У Г. Шебица проблема сравнительно-исторического метода изучения буржуазных революций XVI—XVIII вв. имеет преимущественно утилитарное значение — в сравнении их правильное познается историческое место «революции № 1» — Реформации и Крестьянской войны в Германии первой четверти XVI в. ⁸.

Ближе всех подходит к стадияльно-региональному принципу А. Со-буль в своей очень основательной, богатой наблюдениями и выводами статье, о чем свидетельствует его замечание, что в конечном итоге не ве-

⁵ «Studien...», S. 290.

⁶ «Studien...», S. 139—156.

⁷ Ibid., S. 209—210.

⁸ Ibid., S. 36.

личие Французской революции и «отклики» на нее, а «экспансия самого капитализма, завоевательного по своей природе» обеспечила его повсеместное утверждение⁹. Однако эта очень плодотворная мысль не становится основой его собственного исследования¹⁰.

Бесспорно, «Исследования проблемы революции» — издание ценное и полезное в научном отношении. Но в нем все же недостаточно использованы возможности и сравнительно-исторического метода в целом, и его стадияльно-регионального аспекта в частности. Именно на этой стороне вопроса (и только на ней) мы и позволим себе сосредоточиться.

В складывании предпосылок буржуазных революций в период мануфактурной стадии капитализма определяющая роль принадлежала факторам социально-экономического порядка. Они были связаны с возникновением, утверждением и развитием буржуазных форм производства, обмена и распределения, а также их носителей в обществе — нарождающихся классов буржуазии и пролетариата.

В отличие от предшествующих ему общественно-экономических формаций — рабовладения и феодализма — с их замедленным или застойным развитием, неспособностью в относительно короткие сроки распространить присущий им способ производства во всем мире, с повышенной способностью к своего рода «сосуществованию» с другими экономическими укладами (в частности феодального с буржуазным), капитализм, с его законом расширенного воспроизводства, очень динамичен и обладает повышенной способностью подчинения себе экономических категорий предшествующих формаций во всех сферах.

В землевладении, как подчеркивал К. Маркс, капитализм трансформирует все докапиталистические формы земельной собственности — феодальную, клановую, мелкокрестьянскую, — превращая их «в экономическую форму, соответствующую этому способу производства»¹¹. В промышленности уже в мануфактурный период, не говоря о фабричном, сбыт продукции происходит не только, а порой не столько на общенациональном, сколько на мировом рынке¹². Последний становился главным цено- и курсообразующим центром и таким способом подчинял себе докапиталистические общества и сферы производства. Мировой рынок открывается в XVI в., писал К. Маркс, «новую историю капитала»¹³. Он стимулирует зарождение и развитие колониальной системы, обеспечивает перераспределение «национального продукта» всех стран в интересах капиталистов тех государств, которые стали пионерами и лидерами буржуазного развития. В силу указанных обстоятельств полагаем, что капитализму по сравнению с докапиталистическими формациями присуще большее значение и воздействие общих закономерностей его развития. При этом их роль возрастает по мере складывания мировой капиталистической системы, с переходом ее от стадий более ранних к более зрелым и развитым, в ущерб удельному весу закономерностей локальных, национальных, региональных. Именно марксизм-ленинизм в целом, и марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях в

⁹ Ibid., S. 82; См. также А. А. Ф у р с е н к о. Американские и французские революции XVIII века. — «Вопросы истории», 1972, № 11.

¹⁰ Ibid., S. 68, 75, 83—85. Причину радикальности Французской революции А. Собыль ищет не в соотношении стадий развития мировой капиталистической системы и характера развития Франции, а лишь в «национальных» ее особенностях: нежелании аристократии идти на ликвидацию своих привилегий; столь же упорном стремлении городского плебса и крестьянства ликвидировать последние; вынужденная необходимость для буржуазии провести под давлением народа радикальное уничтожение «старого режима» во всех сферах жизни общества. При этом А. Собыль рассматривает буржуазию как противницу на протяжении всей ее истории революционных действий и идентифицирует линию поведения французской буржуазии конца XVIII в. с итальянской и немецкой — середины XIX в.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 166.

¹² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 56—57.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 157.

частности, впервые позволил и на подлинно научной основе исследовать многообразные и всесторонние связи той или иной формации (системы) с ее составными частями. Соотношение между мировой капиталистической системой и ее частями и странами, вовлекаемыми в орбиту ее влияния, не равнозначно ни миграциям, прямым рецессиям, механическим заимствованиям, внешним влияниям и филиациям, ни примитивизированной, возведенной в абсолют «автохтонности». Это диалектическое единство мирового процесса как целого, общего, и национальных, локальных, региональных его проявлений как частного, единичного, особенного.

Таким образом, стадияльно-региональный метод включает в себя: 1. Выявление первоначального общего содержания и формы общеисторического процесса, явления, системы — в данном случае мировой капиталистической системы в ее революционном становлении и последующем развитии; 2. Определение размеров деформаций первоначального содержания и формы в зависимости: а) от закономерностей различных стадий становления и развития рассматриваемой системы во времени и пространстве; б) от комплекса внутренних факторов развития данных стран, регионов; в) от внешних (по отношению к данным странам, региону) факторов системы, в частности от наличия более развитых (чем в них) форм буржуазных отношений; г) от взаимодействия системы с ее составными и вовлекаемыми в сферу ее влияния частями (странами, регионами). При этом, чем дальше, тем больше факторы формационного, «системного» порядка определяют основное содержание стадияльно-региональных деформаций, факторы же национально-региональные — их форму, особенности, место и время возникновения революций и т. д. Степень стадияльно-региональных деформаций прямо связана с длительностью стадияльно-хронологического разрыва, с которым те или иные страны, регионы вступают на путь буржуазного развития и буржуазных революций. Степень разложения докапиталистических форм и степень их устойчивости учитываются как постоянно действующий фактор.

Под стадияльным регионом подразумевается группа стран, географически объединенных в одном комплексе или территориально разобщенных, но с общим типом основных закономерностей развития в них того или иного исторического процесса (в данном случае возникновение и развитие капитализма) или с общим характером деформаций последнего в зависимости от степени стадияльно-хронологического разрыва, после которого данный регион становится ареной действия такого процесса и итогов развития предшествующего периода, из которых он вырастает. Стадияльный регион — категория историческая, переменная и во времени и в пространстве.

2

Разумеется, автор рассматривает стадияльно-региональный метод как один из методов марксистского исторического исследования, а стадияльный регион как категорию, позволяющую выявлять различные основные типы общественного развития в рамках той или иной общественно-экономической формации.

Для XVI—XVIII вв. проблема стадияльно-регионального сравнительного метода конкретизируется как соотношение общих закономерностей развития мануфактурной стадии капитализма и ее двух фаз (XVI — середина XVII и середина XVII—XVIII вв.) и социально-экономического, политического, идеологического развития передовых стран Европы.

Рассмотрим некоторые основные и определяющие общие закономерности этой стадии, важные для нашей постановки вопроса. Как известно, К. Маркс видел ее специфику (с определенными нюансами для второй фазы) прежде всего в преобладании торгового капитала, обеспечивавшего тогда промышленную гегемонию страны. Торговый капитал высту-

пал в то время не в виде капитала «с особой функцией», каким он фигурирует в развитом буржуазном обществе¹⁴, а продолжал еще свое существование в форме отделившейся части капитала, самостоятельное развитие которой «стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества»¹⁵. И такая экономическая консервативность купеческого капитала не была лишь данью времени, а являлась его органическим свойством, сохраняющимся и в условиях фабричной стадии капитализма¹⁶.

В рамках мануфактурной стадии победа буржуазного развития объективно была обеспечена лишь локально, в масштабах отдельных стран, а не общеевропейских или мировых. И даже эти успехи достигались за счет использования такими странами сначала общеколонизационных ресурсов, а позднее — и за счет хищнической колониальной эксплуатации вновь открытых земель.

Отсюда вытекала необходимость господства для стран, развивавшихся по капиталистическому пути, на складывавшемся мировом рынке, ибо только это обеспечивало им опережающие по сравнению с другими европейскими государствами темп и уровень буржуазного развития, а также (порой временное) промышленное превосходство. Важнейшей отличительной чертой было отсутствие на протяжении всей мануфактурной стадии не только мировой, но даже европейской системы капитализма. Она находилась еще в эмбриональном состоянии и ее закономерности как бы складывались из суммы «национальных вариантов». Этим определялся повышенный удельный вес факторов и закономерностей национально-локального характера. В стадии формирования находился и стадийный западноевропейский регион.

Незрелости буржуазного экономического развития соответствовала незрелость и нарождавшихся основных классов будущего буржуазного общества — буржуазии и пролетариата, хотя степень ее для обоих классов не была однозначной. Если буржуазия постепенно, с различными осложнениями, развивалась в «класс для себя», то для нарождавшегося пролетариата перспективой на протяжении всей мануфактурной стадии было формирование лишь как «класса в себе». В зародыше существовал и классовый антагонизм между пролетариатом и эксплуататорской буржуазией, прорывавшийся отдельными стихийными вспышками. Система наемного труда противостояла в качестве своего рода «положительной антитезы» продолжавшей господствовать феодальной форме эксплуатации, борьба шла вокруг условий договора о найме, и даже самый развитый английский пролетариат в период промышленного переворота выступал против машин как таковых, а не против их капиталистического применения¹⁷.

Незрелыми оставались и прогрессивные формы идеологии. Почти до самого конца XVIII в. они облекались в богословскую форму различных реформационных доктрин (лютеранства, кальвинизма) и революционных сектантских течений.

Несмотря на незрелость объективного и субъективного факторов, именно в рамках мануфактурной стадии происходят буржуазные революции, преследующие цель установления господства буржуазных форм производства и захвата политической власти буржуазией. Причина

¹⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 359.

¹⁵ Там же, стр. 360.

¹⁶ См. там же, стр. 355, 360. Разумеется, торговый капитал в это время не действовал исключительно в сфере обращения. В разных формах он прямо овладевал производством: в лице скупщиков-раздатчиков, купцов-предпринимателей, основывавших разные, преимущественно рассеянного типа, мануфактуры ради обеспечения себя товарами повышенного спроса, получения дополнительной (к торговой) прибыли и т. д. Но путь шел от торговли (и ради нее) к производству, а не наоборот, как у капитала промышленного. Соответственно и преобладал не промышленник, а купец.

¹⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 438—439.

этого кроется в отсутствии в то время альтернативы — реформа или революция. Вопрос стоял так — либо победа буржуазного строя, либо торжество феодальной реакции, гибель, длительное прозябание ростков капитализма в той или иной стране, а то и регионе. Иными словами — необратимый или обратимый вариант развития капитализма¹⁸.

Совокупность всех этих обстоятельств делала буржуазию мануфактурной стадии революционной, способствовала выполнению ею роли гегемона в буржуазных революциях XVI—XVIII вв., хотя в подобной роли буржуазия, как эксплуататорский по своей природе класс, действовала не без оглядки, непоследовательно, не шла до конца. При этом в первой и второй фазах оттенки такой непоследовательности не были однозначными: вначале то был результат неразвитости, неотдифференцированности буржуазии от феодальных сословий; в конце она обуславливалась уже становившейся все более острой классовой борьбой нарождавшегося пролетариата.

3

В числе специфических особенностей первой фазы мануфактурной стадии, наложивших отпечаток на характер первых буржуазных революций (Реформации и Крестьянской войны в Германии и Нидерландской революции XVI в.), следует отметить: абсолютное преобладание торгового капитала над промышленным, абсолютное господство богословских представлений в прогрессивных формах идеологии; отсутствие не только общеевропейской системы капитализма, но и капиталистических государств; незрелость и неразвитость раннего капитализма вообще.

Специфическими «национальными» особенностями предпосылок «революции № 1» в германских землях, связанными со стадильной спецификой, были: незавершенность процесса образования национального централизованного государства; слабость политических и экономических связей между различными землями и имперскими городами, переходившая в конфликтные ситуации; локальность очагов раннекапиталистического развития и внешнеторговых связей (при наличии лишь тенденций к складыванию мирового рынка); незрелость объективного и субъективного факторов и более ранний социально-политический взрыв из-за экономического и политического засилья католической церкви.

Совокупность всех этих «системных» и «национальных» факторов привела, несмотря на широкий размах и радикальность программ крестьянского движения, вошедшего в золотой фонд революционных традиций немецкого народа, к поражению радикальной струи в реформационном движении и Крестьянской войне, к победе феодальной реакции — обратимый вариант возникновения капитализма. Ибо к потенциально успешной буржуазной революции подводит не просто определенный количественный уровень буржуазного развития, а лишь та его форма или тот вариант, который обладает качеством поступательного необратимого движения. А это означает, что капитализм в данной стране в «общенациональном» масштабе завоевал столь прочные экономические и социальные позиции, что воспроизводящие его факторы одерживают верх над факторами, воспроизводящими феодальный базис, его неодолимое движение вперед уже вышло из-под регулирующего контроля политической надстройки феодального общества, а ее попытки обратить вспять капиталистическое развитие вызывают политический кризис, революционную ситуацию и как следствие успешную буржуазную революцию того или иного типа. Победа такой революции является на мануфактурной стадии наиболее достоверным критерием необратимого

¹⁸ Данная проблема подвергнута специальному рассмотрению в статье: А. Н. Чистов. Понятие и критерии обратимости и необратимости исторического процесса. — «Вопросы истории», 1969, № 5.

типа развития капитализма в данной стране. А такого варианта развития в германских землях конца XV — первой четверти XVI в. не сложилось. И этот аспект подлежит учету при выяснении причин неудачи Реформации и Крестьянской войны. Вклад, сделанный Реформацией в общеевропейский процесс развития капитализма и его революционного утверждения, отнеслся преимущественно к сфере идеологии¹⁹.

На ведущее место среди европейских государств Нидерланды были выдвинуты именно необратимым вариантом утверждения в них капитализма. Этому способствовали: «общенациональный» и комплексный масштаб развития в них раннекапиталистических отношений; их господствующее положение на мировом рынке, обеспечивавшее им торговую гегемонию и (относительное и временное) промышленное преобладание; большая по сравнению с германскими землями зрелость объективного и субъективного факторов, наличие революционной, отвечавшей чаяниям самой смелой части тогдашней буржуазии идеологии в лице богословской доктрины кальвинизма.

В то же время Нидерландской революции были присущи и некоторые черты, роднившие ее с «революцией № 1» в германских землях: незавершенность экономической и государственной централизации, угнетение страны реакционным испанским абсолютизмом, что также сыграло роль ускорителя в развязывании революции, вспыхнувшей до того, как для этого полностью созрели объективные предпосылки.

Совокупность указанных «стадиально-системных» и национальных факторов способствовала успешному исходу Нидерландской революции и привела к образованию первого в мире буржуазного государства в лице республики Соединенных провинций.

Влияние формационного, «системного» фактора проявилось в преобладающей роли торгового капитала; в формировании мирового рынка, центром которого был сначала Антверпен, а с конца XVI в. — Амстердам; в наличии революционной доктрины кальвинизма.

Местной спецификой в сфере экономики была торговая, а не производственная инфляционная конъюнктура²⁰. В сфере политики — слабость революционно-буржуазного крыла и политическое господство консервативной и космополитичной по своим устремлениям купеческой олигархии. Последняя строила свою политику на сохранении без всяких изменений структуры амстердамского стапельного рынка и на союзе с феодальным дворянством, а не с крестьянством и плебсом. Олицетворением этого союза был оранжизм, политическими издержками — ориентация до конца XVI в. на иноземное вмешательство, олигархическая рутинная — в XVII в. Соответственно ущербно был решен и аграрный вопрос. Конфискованы и постепенно распроданы были лишь земли дворян-эмигрантов и церкви. Сеньориальный строй, даже все ленные пожалования Филиппа II остались в силе. Основой аграрного строя по-прежнему было мелкокрестьянское хозяйство разных типов. Буржуазно-фермерские отношения развивались медленно и преимущественно на вновь осушенных землях — польдерах. Все это вошло в комплекс причин, обусловивших победу революции лишь на Севере; ограниченность ее исторического значения привела к последующему застою, военным поражениям, сползанию республики на положение третьеразрядной европейской державы.

В стадиально-типическом аспекте обе революции (первая — по своим объективным тенденциям, вторая — и на практике) были прежде всего революциями трансформационного типа; они обусловили (первая в качестве перспективы, вторая в качестве цели) установление капиталистических форм производственных отношений и приход к власти буржуазии, т. е. означали осуществление революционного перехода от феодальной

¹⁹ «Studien...», S. 42—43.

²⁰ H. van der Wee. The Growth of the Antwerp Market and the European Economy, vol. II. Louvain, 1963, p. 8, 10.

формации к капиталистической. Первая потерпела поражение, вторая решила эти задачи частично и непоследовательно.

Обе они были спонтанными в том смысле, что не испытывали на себе влияния со стороны более развитых капиталистических форм. Обе были «ускоренными», ибо вследствие внешнего угнетения начались до того, как в них достаточно созрели объективные и субъективные факторы. Однако этот «освободительный» акцент, как и религиозная оболочка движений, в известной степени притуплял остроту социально-экономических и политических противоречий, отводя их в русло конфессиональной и освободительной борьбы.

Наиболее отчетливо это обстоятельство сказалось в Нидерландах, где массовое революционное движение набирало силу лишь в отдельные критические периоды (1566, 1572, 1578—1583 гг.), локализовалось в основном в больших городах, не выдвинуло крупных руководителей не только «национального», но и областного масштаба, относительно слабо затронуло крестьянство и не наложило демократического отпечатка на конечные результаты революции. В государственно-правовой сфере Голландия создала буржуазно-республиканскую форму, в экономической — высокоразвитые мореходство и финансово-кредитную систему, довела до подлинного апогея и гипертрофии преобладание торгового капитала, фокусируя в себе эту главную черту первой фазы мануфактурного периода. Таков был вклад Нидерландской революции и республики Соединенных провинций в развитие капитализма и мирового революционного процесса, а вместе с тем и в тот тип «национально-стадиального» синтеза, который скорее подводил итог первой, чем открывал историческую перспективу для второй фазы мануфактурного периода. Может быть, именно здесь и коренится причина того, почему Нидерландская революция не приобрела международного значения, не выразила потребностей всего тогдашнего общества.

4

Революции второй фазы мануфактурного периода — Английская буржуазная революция XVII в. и Французская буржуазная революция конца XVIII в. происходили уже в изменявшихся условиях. Они не были однозначны, порождались разными факторами, хотя подоплека оставалась все той же — постепенно прогрессирувавшее развитие капитализма и разложение феодализма.

Фактором негативным был обозначившийся уже во второй половине XVI в. курс на консолидацию феодальной реакции. В Центральной и Восточной Европе ее победа была всесторонней и олицетворялась постепенным утверждением там «второго издания крепостничества». В средиземноморском регионе возобладали тенденции к подавлению ростков капитализма, к политической и идеологической реакции в форме контрреформации. Таков был ответ феодализма на «угрозу» развития капитализма там, где первый имел еще перевес в силах.

В западноевропейском же регионе капиталистическое развитие шло так быстро, что подобная прямая атака была крайне затруднена. Здесь феодальная реакция наступала не сомкнутым фронтом, а вразброс, не сразу во всех сферах, а по частям. При все возраставшем ужесточении политики абсолютизма по отношению к развивающемуся капитализму в тех странах, где опасность его для основ феодального строя становилась очевидной, феодальное государство прибегало и к маневрированию, игре в реформы, «просвещенности» и т. д., что и лежало в основе политики так называемого просвещенного абсолютизма.

Однако не это направление, не пресловутый «кризис» были определяющими и доминировали в XVII в. на европейской арене. Ранний капитализм

продолжал наступление, осуществляя одновременно внутреннюю перестройку. К числу важнейших явлений такого рода можно отнести: а) возрастание во второй половине XVII и в XVIII в. удельного веса промышленного капитала, хотя преобладание торгового капитала в целом еще сохранялось, что сопровождалось возникновением в некоторых странах (Англия) производительной инфляционной конъюнктуры²¹, б) тенденцию, реализовавшуюся лишь в первой половине XVIII в., к замене структуры амстердамского стапельного рынка (основанной на стягивании всей основной массы товаров в «амстердамскую зону» с последующим их перераспределением и транспортировкой в места назначения) другой структурой, при которой основная масса товаров вывозилась из центров их производства к потребителям непосредственно или транзитом через другие крупные центры (Гамбург, Амстердам). Изжила себя и система монопольных колониальных торговых компаний, один из бастионов торгового могущества республики²². Именно эти (и некоторые другие) факторы подлежат учету при определении тех причин, которые постепенно создавали условия для победы промышленного капитала над торговым. И локально эти тенденции консолидировались в Англии, хотя они и выражали ближайшие перспективы общеевропейского масштаба.

В самой Англии все возраставший объем многоотраслевого мануфактурного производства, горной промышленности, торговли, развитие капиталистического предпринимательства в сельском хозяйстве не только сильно укрепили позиции буржуазии и буржуазной собственности, но и привели к обуржуазиванию широкой и экономически сильной прослойки среднего и мелкого дворянства — джентри. А это имело не только социально-экономические, но и политические последствия, подготовив создание блока английской буржуазии и нового дворянства, гегемония которого и определила ход, содержание и формы Английской революции. Этот вариант капиталистического развития оказался необратимым и освободился от регулирующего контроля английского абсолютизма; попытка же повернуть его вспять породила политический кризис и победоносную Английскую революцию, важнейшей движущей силой которой было крестьянство²³.

Общими с Нидерландской революцией здесь были религиозная идеологическая оболочка движения — кальвинизм и союз английской буржуазии с дворянством, однако с существенными качественными отличиями. Уже в республике Соединенных провинций кальвинизм претерпел сильно скомпрометировавшую его эволюцию от идеологического знамени и организующей силы революции, через «штаб» маловлиятельной оппозиции к официальной правительственной церкви. В Англии пуританство, цинично обнажившее свою стяжательскую, классово-эксплуататорскую сущность, сделало себя уязвимым для критики и слева, и справа, исчерпало революционные возможности религиозных форм идеологии, утратило возможность играть роль идеологического вождя в грядущих революциях. Иными были существо и последствия союза английской буржуазии с обуржуазившимся новым дворянством. Он имел своим итогом столь радикальную аграрную революцию, что все препоны, которые противоречили или не соответствовали условиям капиталистического производства в сельском хозяйстве, «были беспощадно сметены»²⁴. Именно

²¹ E. Hamilton; The American Treasure and the Rise of Capitalism.— «Economics», 1924, vol. IX, p. 338—357; e г о ж е. Profitinflation in the Industrial Revolution.— «Quarterly Journal of Economics», 1924, p. 56.

²² T. van der Kooij. Hollands stapelmarkt en haar verval. Amsterdam, 1931; J. F. Niemeyer. Historische schets van den Nederlandschen handel.— «De Economist», Jg. 92, 1943, blz. 397—400.

²³ «Английская буржуазная революция XVII века», т. I. М., 1954, стр. 408—420.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 256.

Англия стала классической страной аграрного капитализма, и к исходу XVIII в. в ней уже не было крестьянства²⁵.

Закрепив и быстро двинув вперед в ходе и после революции буржуазные формы в сфере промышленности, торговли и кредита, Англия обеспечила себе господство на мировом рынке, модифицировала в охарактеризованной выше форме его структуру и в серии «торговых войн» сокрушила торговое и военно-морское могущество своей соперницы — голландской республики. В этом выразилось, по словам К. Маркса, подчинение торгового капитала капиталу промышленному²⁶. Так конкретно-исторически реализовалась одна из основных задач второй фазы мануфактурной стадии. Тем не менее для голландской республики, вступившей в полосу всестороннего упадка, это не было вариантом обратимого типа генезиса и развития капитализма. То была лишь смена лидерства, издержки которой, естественно, несла побежденная сторона, внесшая свою лепту в «славную революцию» 1688 г., давшая Англии новую династию, но вместе с тем превратившаяся в ее сателлита и безотказного кредитора.

Эти и последующие события привели к исходу XVIII в. к новым серьезным изменениям в общей обстановке, когда наступила очередь Франции встать на путь свершения своей буржуазной революции. Важнейшими из них были: 1) появление в Европе уже двух буржуазных стран в лице голландской республики и Англии и буржуазной республики США, что в совокупности с успехами капиталистического развития в других странах подводило вплотную к образованию мировой капиталистической системы; 2) промышленный переворот в Англии, создавший адекватную материально-техническую базу для капитализма, как основное условие для перехода его в новую, фабричную стадию, что привело к возникновению реальных предпосылок для превращения процесса развития капитализма в необратимый в общеевропейском масштабе и определяющий — в мировом; 3) достижения физики и механики, подводившие научную основу под механизацию производства; 4) исчерпание революционных возможностей религиозных форм и успехи светских форм прогрессивной идеологии. Отныне буржуазия могла выражать свои экономические, социальные, политические и прочие требования, не маскируя их туманным и иносказательным языком библейских текстов и богословских доктрин, а при составлении своих программ и конституций — опираться на богатейший арсенал многочисленных философских, юридических, политических, социальных и публицистических трактатов, созданных блестящей плеядой таких выдающихся мыслителей, как Гоббс и Локк, Кондорсэ и Руссо, Дидро и Вольтер, Тюрго и Смит.

Бесперспективно в научном отношении пытаться понять и объяснить содержание, историческое значение и ход Великой французской буржуазной революции без учета влияния, прямого и опосредствованного, указанных и других явлений, свойственных второй фазе мануфактурной стадии капитализма в целом, искать их в чисто внутренних предпосылках. Ссылка на якобы более высокий уровень развития и зрелости капитализма в самой Франции второй половины XVIII в. по сравнению с Нидерландами XVI и Англией XVII в. лишена серьезных оснований. А. Собыль приводит на этот счет достаточно веские аргументы: феодальные повинности крестьян давали 30% сеньориальных доходов; около 90% населения составляли крестьяне (в развитых провинциях Нидерландов в первой половине XVI в. городское население насчитывало от 35 до 50%); господствовал торговый капитал; в структуре промышленности преобладали мелкие и средние предприятия, пролетариат был малочислен и не-

²⁵ В. М. Лавровский. Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII—XVIII вв. М., 1938, стр. 164—165.

²⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 366.

зрел²⁷. Не занимала Франция и господствующего положения на мировом рынке; она не вступила (практически до революции) на путь промышленного переворота. Все эти задачи решались уже во время Директории, в наполеоновский и посленаполеоновский период²⁸.

Драматизм, остроту конфликтов, последовательную революционность в ликвидации сеньориального и корпоративного строя, абсолютизма, всех пережитков феодализма и католического мракобесия, уничтожение всех преград на пути победного шествия капитализма, радикальность и демократичность реформ всех сфер общественной жизни, решимость идти до конца со стороны революционной части французской буржуазии можно понять только исходя из синтеза «стадиально-системных» и внутренних национальных факторов. Есть основания объяснять драматизм, острую конфликтность ситуации, последовательную революционность действий, свойственные Великой французской революции, сочетанием — противоборством двух тенденций: 1) повышенной зрелости «системных факторов», подошедших вплотную к границе возникновения мировой системы капитализма и переходу от мануфактурной к фабричной стадии капитализма (но не перешагнувших еще ее, потенциальных), а также опережающего развития сферы идеологии и учета опыта предшествующих революций; 2) более низкой степени зрелости факторов национальных и стадиальных, существовавших и действовавших еще реально. К последним относились гегемония торгового капитала, недостаточная зрелость капиталистических отношений, неразвитость классового антагонизма между предпролетариатом и буржуазией, необеспеченность необратимого варианта развития капитализма и возможность торжества феодальной реакции, типичные для мануфактурной стадии в целом.

Поэтому французской буржуазии, как и всей радикальной буржуазии мануфактурной стадии в целом, была присуща революционность. Ей еще практически не угрожало сколько-нибудь широкое самостоятельное пролетарское движение. Более того, использование национальных революционных традиций, бравших начало в многочисленных социальных битвах XVI—XVIII в., накопленный исторический опыт и успехи светской идеологии делали ее более подготовленной для роли гегемона в предстоящей революции, призванной решать задачи более широкие, чем это диктовали национальные условия. Может быть, здесь и надлежит искать ответ на вопрос, почему революционная часть французской буржуазии выступала с последовательно революционных позиций, шла с народом почему сама революция в ее апогее приобрела буржуазно-демократический характер, отразившийся и на ее конечных результатах²⁹.

Можно полагать, что вторая группа факторов создала предпосылки революции, предопределила ее взрыв именно во Франции, обеспечила гегемонию в ней буржуазии и решение национальных задач. Первая же группа факторов придала Французской буржуазной революции завершенность, непримиримость в борьбе со всеми остатками феодализма, позволила ей приобрести общеевропейское и даже всемирное значение и решать общеполитические задачи.

Но при попытке реализовать этот международный резерв Французской революции в своекорыстных целях, для завоевания мирового господства упоенная военными успехами элита наполеоновской империи и

²⁷ «Studien...», S. 67—69, 76, 81—82; А. С о б у л ь. Происхождение промышленного рабочего класса Парижа. — «Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки». Сб. статей. М., 1968, стр. 170—175.

²⁸ Попытки А. Собуля выдвинуть на первый план упорное нежелание французской земельной аристократии и дворянства поступиться своими привилегиями, чему противостояло столь же упорное стремление крестьян и городского плебса эти привилегии сокрушить, неубедительны, ибо подобное «упорство» требует объяснения его причин, и, следовательно, все начинается сначала.

²⁹ См. В. И. Л е н и н, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 195—196,

крупная французская буржуазия потерпели неудачу. В противовес голландской республике Англия не уступила лидерства Франции, сохранила и упрочила свое экономическое превосходство, вступила раньше Франции в фабричную стадию капитализма, а Франция испытала горечь не только военного разгрома, но и реставрации Бурбонов.

Эта логика развития буржуазных революций мануфактурного периода (позтапное и одновременно с перспективой на будущее решение всех проблем, поставленных процессом революционного утверждения и развития капитализма) очень лаконично и четко была сформулирована в свое время К. Марксом: «Революция 1648 года представляла собой революцию семнадцатого века по отношению к шестнадцатому, революция 1789 года — победу восемнадцатого века над семнадцатым. Эти революции выражали в гораздо большей степени потребности всего тогдашнего мира, чем потребности тех частей мира, где они происходили, т. е. Англии и Франции»³⁰.

По своему типу обе они были трансформационными, спонтанными, ибо не испытывали влияния мировой системы капитализма, стоящей на более высокой стадии развития; влияние уже существовавших буржуазных стран не было столь интенсивным, чтобы внести решающие качественные изменения и в ход экономического развития, и в характер, цели, содержание буржуазных революций мануфактурного периода. Сами эти страны, кроме Англии, находились еще на уровне мануфактурной стадии развития, а последствия промышленного переворота в существенной мере сказались только позднее. В отличие от своих предшественниц XVI в. революции XVII—XVIII вв. не были ускорены в результате действия внешних факторов. Обе они успешно решали национальные задачи и отвечали потребностям всего тогдашнего мира, вследствие чего приобретали общеисторическое значение. Последняя из них — Французская — олицетворяла собою классический, собирательный, синтетический тип революции мануфактурной стадии на пределе ее возможностей, на грани перехода ее в следующую, фабричную стадию.

Таким в самых общих чертах представляется процесс формирования западноевропейского стадияльно-регионального типа возникновения и революционного утверждения капитализма и соответствующего ему типа буржуазных революций в рамках мануфактурной стадии.

5

Постановка рассматриваемой в статье проблемы применительно к фабричной стадии капитализма уже выходит за пределы нашей задачи. Здесь уместно ограничиться нанесением лишь некоторых ее самых общих контуров, чтобы резче оттенить специфику мануфактурной стадии.

Вступление капитализма во вторую, фабричную стадию, возникновение мировой системы капитализма знаменовали собой важнейшее количественное изменение в развитии капитализма. В коренным образом изменившихся условиях, особенно для Европы, жизненно важное значение приобретает уже не проблема обратимости или необратимости, а вопрос о динамике и формах капиталистического развития. Вышедшая на мировую арену победоносная буржуазия, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, «под страхом гибели заставляет... все нации принять буржуазный способ производства»³¹. И совершается это в странах Центральной и Восточной Европы в условиях все большего возрастания регулирующей роли государства, абсолютных монархий. Они сверху проводят половинчатые реформы, цель которых состоит в том, чтобы по возможности сохранить

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 115.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 428.

максимум пережитков феодализма при одновременном создании определенных возможностей для развития капитализма. Представители власти делали это в отличие от абсолютных монархий XVI—XVIII в. с полным сознанием результатов и последствий такой политики. Иной характер присущ в этой исторической обстановке дворянству и буржуазии. Первое в ряде случаев выступает инициатором буржуазных преобразований и само постепенно обуржуазивается; вторая перед лицом складывающегося в «класс для себя» фабричного пролетариата и быстро проявляющегося его острого классового антагонизма по отношению к буржуазии теряет революционность, свойственную ей на мануфактурной стадии, проявляет стремление решать возникающие проблемы путем компромиссных реформ. Это создает возможность не революционного, а эволюционного развития капитализма, не революционного свержения абсолютизма, а его медленной эволюции к буржуазно-конституционной монархии. На такой или подобной основе стал складываться стадийно-региональный тип развития капитализма в странах Центральной и Восточной Европы.

Но метод компромиссов и реформ, обеспеченность того или иного пути развития капитализма наличием мировой его системы не исключали ни острой социально-политической и классовой борьбы, ни буржуазных революций. Трудящимся массам, всем прогрессивным социальным слоям таких стран было не безразлично, как, в каком темпе и в каких формах пойдет дальнейшее социальное, в том числе и буржуазное, развитие, кому придется нести главные его издержки. Но буржуазные революции фабричной стадии в Европе были уже иными по своим формам, расстановке классовых сил. Они решали вопрос не о том, быть или не быть капитализму (он уже, как правило, существовал в таких странах), а как и в каких формах пойдет его развитие, процесс приведения производственных отношений в соответствие с достигнутым уровнем развития производительных сил. В ходе их вставали также национально-освободительные, политические проблемы. Поэтому такие революции уже теряли свое значение наиболее верных критериев необратимого хода капиталистического развития в соответствующих странах. В государствах западноевропейского региона, уже совершивших революции трансформационного типа, революции фабричной стадии ликвидировали последствия реставрации, имели целью изменение форм политической надстройки, ее демократизацию, сменяли у власти соперничавшие фракции буржуазии.

В этой связи не лишне напомнить известное положение В. И. Ленина о значении Великой французской буржуазной революции для последующего европейского исторического развития. Для буржуазии «она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии, интересам которой они служили, хотя они этого и не сознавали, прикрываясь словами о свободе, равенстве и братстве»³².

Важнейшим качественным отличием революций фабричной стадии было то, что в обоих регионах, хотя и по разным причинам, буржуазия утратила или утрачивала свое бывшее право на роль в них гегемона. На эту роль все с большим основанием претендовал пролетариат, действовавший в союзе с крестьянством и другими прогрессивными группами народа.

Все эти новые закономерности в их многообразии и национальной специфике получили четкое выражение в том цикле буржуазных революций, который развернулся в различных странах Европы в XIX в. Кульминацией его, несомненно, была серия единовременных революционных

³² В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 367; см. также т. 19, стр. 246—247.

взрывов, охвативших в 1848—1849 гг. германские, итальянские земли, многонациональную Австрийскую империю и Францию. Более сложные, опосредствованные (и пока еще слабо изученные) связи характерны для «иберийского цикла» революций XIX в. и освободительных войн-революций в латиноамериканских странах. Мы полагаем возможным связывать эти последние со стадияльным типом мануфактурного периода, претерпевающим, однако, существенные деформации, порожденные как местной спецификой, так и влиянием уже сложившейся и динамично развивавшейся мировой системы капитализма.

Исходя из вышеизложенного, нам представляется научно не обоснованным принятое в настоящее время терминологическое разделение буржуазных революций на «ранние» и «поздние». Более того, оно порождает порой формально-логические дискуссии о том, к «ранним» или «поздним» отнести ту или иную революцию. В частности, на Международном симпозиуме 1969 г. в Лейпциге, посвященном теме «Классы и идеологии в эпохи революционных переворотов», между специалистами оживленно дебатировался вопрос: относить Великую буржуазную французскую революцию к ранним, поздним или особым, «классическим». Научно более обоснованной выглядит классификация буржуазных революций не по формальному, временному, а по стадияльному принципу, т. е. деление их на революции мануфактурной, фабричной и империалистической стадий капитализма.

Таковы те выводы, которые позволяют сделать применение стадияльно-регионального метода сравнительно-исторического исследования буржуазных революций мануфактурной стадии капитализма. В этом направлении сделано еще не так много, предложенные здесь выводы и подходы к решению вопросов нуждаются в обсуждении, требуют специальных исследований, могут рассматриваться в ряде случаев как рабочие гипотезы.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что предложенная в данной статье постановка вопроса меньше всего рассчитана на отрицание всего того, что было сделано раньше в этой важной и обширной области марксистско-ленинского исторического исследования. Это лишь один из методов в ряду других, научная результативность которых подтверждена марксистской исследовательской практикой при решении определенной группы вопросов. С наибольшей эффективностью он может быть применен при изучении крупнейших событий, развертывающихся на широком хронологическом полотне. Попытки же его абсолютизировать, превратить в самоцель, «привязать» к рассмотрению явлений мелкомасштабных, происходящих в узких временных рамках, будут скорее всего безрезультатными или повлекут за собой ошибочные решения.